

М. Бёме

Дневник падшей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М11 **М. Бёме**
Дневник падшей / М. Бёме – М.: Книга по Требованию, 2016. – 264 с.

ISBN 978-5-458-08184-9

Перевод с немецкого.

ISBN 978-5-458-08184-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Когда этотъ дневникъ попалъ мнѣ въ руки, я хотѣла черезъ нѣкоторое время передѣлать его въ романъ.

Однако, по совѣту моего издателя, г. Фонтана, я отказалась отъ этого намѣренія и рѣшила выпустить эти записки въ оригиналѣ, подвергнувъ ихъ лишь нѣкоторой необходимой переработкѣ. Отдѣльныя измѣненія нужно было сдѣлать ради нѣкоторыхъ названныхъ здѣсь лицъ. Въ общемъ эти передѣлки сводятся, главнымъ образомъ, къ измѣненію именъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мѣста совершенно невозможно было опубликовать и ихъ пришлось вычеркнуть.

Мнѣ совершенно чуждо намѣреніе, выпуская этотъ дневникъ, обогатить существующую пикантную литературу. Эти безыскусственныя записки не претендуютъ на художественную или литературную оцѣнку. Онѣ не представляютъ и не хотятъ представлять собою ничего, кромѣ подлиннаго фактическаго вклада въ литературу по одному изъ жгучихъ социальныхъ вопросовъ нашихъ дней. Онѣ говорятъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ самыя блестящія описанія знаменитыхъ писателей и бросаютъ яркій свѣтъ въ царство гражданскихъ мертвецовъ, въ міръ отверженныхъ и паріевъ общества.

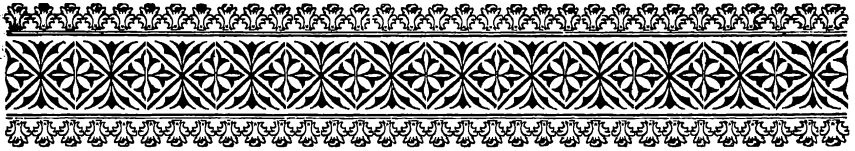
Если чтеніе этихъ страницъ заставитъ кого-нибудь призадуматься, если читателю станетъ при этомъ ясно, что ни одинъ человѣкъ, какъ бы прочно и высоко онъ ни стоялъ, не можетъ быть

силнѣе своего рока; что ни богатство, ни образованіе, ни почетное общественное положеніе не могутъ отразить смерть и несчастье и оградить даже близкихъ намъ самимъ молодыхъ дѣвушекъ отъ участи бѣдной Тиміанъ, если онъ придетъ къ тому заключенію, что непослѣдовательно проходить мимо этихъ несчастныхъ съ легкомысленнымъ равнодушіемъ или сухимъ презрѣніемъ; что не надо закрывать глаза, что надо смотрѣть вокругъ себя и умѣть отличать порокъ отъ несчастья,—тогда цѣль этого изданія достигнута. Тогда Тиміанъ не напрасно отмѣтила этапы своей погубленной жизни... Можетъ быть даже жизнь ея тогда и не „потерянная“.

Маргарита Бёме.

Тетка Понсъ принесла мнѣ вчера этотъ дневникъ, какъ запоздалый подарокъ по случаю моей конфирмаціи. „Это имѣеть глубокій смыслъ для молодой дѣвушки“, сказала она. „И стоитъ такъ дешево“, подумала я. Но разъ уже у меня есть эта тетрадь, я воспользуюсь ею. Быть можетъ я еще открою въ себѣ писательскій талантъ.

Правда, въ нашемъ медвѣжьемъ углу событій бываетъ немного. А если что и случается, то едва ли заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Но я воображаю, что я какая нибудь знаменитость и пишу свои мемуары. При этомъ, разумѣется, самая несущественная мелочь становится важной.

Итакъ, прежде всего надо представиться: Меня зовутъ Тиміанъ Фрауке Екатерина Готтебалль. Я дочь Людвига Эрарда Готтебалла, аптекаря въ Г....., маленькомъ, чистенькомъ городкѣ въ 2000 жителей въ Маршѣ. Улицы у насъ прямы, вытянуты словно по шнурку и замѣчательно чисты. Между камнями не растетъ трава, куры не бѣгають по мостовой. Дома гладки и чисты, какъ только что побрившіеся мужчины. Въ Г... чертовски скучно. Когда по улицѣ проѣзжаетъ экипажъ всѣ бѣгутъ къ окнамъ. По вечерамъ всѣ сидятъ на скамейкахъ у воротъ и болтають съ сосѣдями о другияхъ сосѣдяхъ. А когда приходятъ эти другіе сосѣди, то разговоръ переходитъ на какихъ-нибудь еще другияхъ сосѣдей. Въдѣ тутъ всѣ

„сосѣди“, даже тѣ, которые живутъ на противоположныхъ концахъ города.

Мое сумасшедшее имя выдумала мнѣ мать. Оно часто заставляло меня злиться. Дѣти говорятъ, что оно отдаётъ аптекой, а молодые люди говорятъ нѣчто гораздо болѣе ужасное, чего я, однако, не рѣшусь написать.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, моя мать всегда болѣла. Я никогда не слышала ея смѣха. Когда она улыбалась, то въ сущности выглядѣла еще печальнѣе, чѣмъ когда была серьезна. Когда, бывало, я играла на площади съ другими дѣтьми, а она сидѣла у окна, я ужасно боялась посмотрѣть въ ея сторону, сама не знаю, почему. Я всегда чувствовала какой то уколъ въ сердцѣ, когда видѣла ея милое, блѣдное, печальное личико.

Когда мнѣ было десять лѣтъ, матушка такъ заболѣла, что докторъ отправилъ ее въ Давось. Тамъ она пробыла цѣлый годъ. Первое время ея отсутствіе было мнѣ очень замѣтно, а потомъ я почти забыла о ней. Все это время у насъ было очень весело. Отецъ приглашалъ много гостей. Родственники тоже иногда приходили, но съ ними было много скучнѣе.

У насъ много родственниковъ. Братъ и сестры матери живутъ всѣ въ Нордмаршѣ. Только дядя Геннингъ и тетя Вибке, мамина сестра, живутъ здѣсь. Тамъ же есть еще тетя Фрауке, жена Понса. Она такъ скупа, что чуть не грызетъ себя самое отъ скупости. Затѣмъ маминъ братъ, совѣтникъ Томсенъ, и еще одинъ братъ, Диркъ Томсенъ. Тутъ-же и зять Гиннеркъ Ларзенъ, жена котораго, тоже мамина сестра, умерла отъ чахотки. И еще много другихъ. У отца только одна сестра, тетя Фрида, старая дѣва съ горбомъ. Живетъ она здѣсь. Ее я совсѣмъ терпѣть не могу. Она вѣчно придирается ко мнѣ: то я будто слишкомъ нарядна, то одѣта слишкомъ небрежно. Ей бы хотѣлось, чтобы я цѣлый день торчала въ ея клѣтушкѣ старой дѣвы. Но какъ бы не такъ! Отецъ тоже не выноситъ ея. Они часто ссорятся. Я не понимаю, почему отецъ давно не отказалъ ей отъ дома, если она постоянно такъ невыносима съ нимъ. Нашъ провизоръ, г. Мейнертъ, называетъ ее

„судья Линч“. Когда онъ въ окно аптеки видитъ, что она идетъ черезъ базарную площадь со своимъ огромнымъ ридикулемъ въ стилѣ помпадуръ, онъ кричитъ намъ въ окно: „Вотъ судья Линч“. Тогда я сейчасъ же удираю, а иногда и отецъ тоже.

Когда моя мать лѣчилась въ Давосъ, въ театрѣ играла одно время прїѣзжая труппа. Я каждый вечеръ ходила туда съ отцомъ или Мейнертомъ. Одинъ разъ они играли „Терезу Кронесъ“. Это прекрасная пьеса, но очень грустная. Ахъ, какъ играла Тереза Кронесъ! Просто божественно. Теперь-то я знаю, что она была загримирована, но тогда я была поражена такой красотой. Въдъ тогда я была еще ребенкомъ!

Въ тотъ вечеръ, когда шла „Тереза Кронесъ“, отецъ пригласилъ артистовъ на ужинъ. Мнѣ тоже позволили сѣсть за общій столъ. Мы ужинали въ нашей лучшей комнатѣ, было подано красное вино и шампанское, и мнѣ всего давали. Артистки пѣли веселья пѣсни, и я также дѣлалась все веселѣе. Пиръ шелъ горой. Въ концѣ концовъ я вскочила на столъ и стала непрерывно кричать: „Я—пуддингъ! Я—пуддингъ! Разрѣжьте и ѣшьте меня! Я—пуддингъ!“ „Да, сказалъ Мейнертъ, ты прелестный пуддингъ! Не безпокойся, въ свое время найдется молодецъ, который тобой полакомится!“ И всѣ разсмѣялись. Веселье дѣлалось все неудержимѣе. Стулья раздвинулись въ беспорядкѣ и, такъ какъ у стола ихъ оказалось слишкомъ мало, то дамы усѣлись на колѣни къ мужчинамъ. Тереза Кронесъ сидѣла на колѣняхъ у отца.

Вдругъ, въ самую интересную минуту, дверь настежь открывается и появляется кто-же—тетя Фрида, въ своемъ старомъ, длинномъ, истрепанномъ плащѣ, накинутомъ прямо на ночную рубашку, что сразу замѣтно! Чортъ знаетъ, кто ей донесъ. Она была желтой отъ бѣшенства и кричала прерывающимся голосомъ, какъ хриплая ворона: „Нечего сказать, красиво! Такъ! Такъ! Отлично! Тебѣ я ничего не скажу, Людвигъ! Но если ты не жалѣешь своего собственного родного ребенка для такихъ... ты... ты...“

И она плюнула, задыхаясь отъ злости. „Идемъ, Тиміанъ! Ты переночуешь у меня! Фи, моя дѣвочка, не стыдно-ли тебѣ такъ не-

прилично стоять посреди стола“. И она хотѣла, было, схватить меня за шиворотъ, но я бросилась отъ нея съ быстротой молніи и перескочила черезъ стаканы, бутылки и десертныя тарелки на софу. А тамъ я однимъ прыжкомъ сѣла верхомъ на плечи Мейнерта. Онъ вскочилъ и при общихъ крикахъ „браво!“ и „ура!“ пробѣжалъ со мной мимо тетки Фриды, высочилъ изъ комнаты и пустился вверхъ по лѣстницѣ. Тетя Фрида за нами! „Отдайте ребенка, распутникъ! Подъ судъ надо бы всѣхъ васъ отдаты! Тиміанъ, сойди сейчасъ же! Стыдись, дѣвочка, стыдись! Если бы твоя бѣдная мать это знала“... Такъ ругалась она, спѣша за нами вверхъ по лѣстницѣ. А я высунула ей языкъ и кричала ей въ своемъ опьяненіи: „Судья Линчъ! Судья Линчъ! Старый, проклятый судья Линчъ!“

Хватъ! она поймала меня за ногу. Но Мейнертъ какъ разъ быстро открылъ дверь въ свою комнату и у нея осталась только лакированная туфля съ моей лѣвой ноги. Мейнертъ быстро захлопнулъ за нами дверь. Затѣмъ мы усѣлись въ темнотѣ на краю его постели и смѣялись... Я сидѣла у него на колѣняхъ, и, пока судья Линчъ шумѣла за дверью и чуть не рвала на себѣ волосы, Мейнертъ цѣловалъ меня. Это онъ вообще любитъ. Когда мои подруги и я хотимъ получить у него шоколаду, мы всегда должны цѣловать его за это.

Мы долго ждали, но тетя Фрида шумѣла все ужаснѣе. Она колотила въ дверь своимъ зонтикомъ, такъ что было слышно во всемъ домѣ. „Открывайте негодяй! Или я позову полицію“!

„Помилуйте, госпожа Готтебалль, не волнуйтесь такъ“! закричалъ ей Мейнертъ. „Вѣдь это только шутка! Тими просто боится васъ“.

Затѣмъ пришелъ отецъ, и мы слышали, какъ онъ бранился съ судьей Линчъ. Потомъ отецъ сказалъ, чтобы Мейнертъ отперъ, что уже такъ и быть, пусть тетя Фрида дѣлаетъ по своему и беретъ меня къ себѣ ночевать. Я очень сердилась, но это не привело ни къ чему. Мейнертъ открылъ дверь, и мнѣ пришлось уйти съ тетей Фридой. Она не говорила ни слова, но держала меня крѣпко за руку и я чувствовала, какъ дрожала ея рука. Въ своей спаль-

нѣ она меня основательно вымыла и заставила прополоскать горло анатериномъ. Затѣмъ она помогла мнѣ раздѣться и уложила меня въ свою постель, тогда какъ сама рѣшила лечь на софу. Она дрожала отъ холода, потому что подъ плащемъ на ней, дѣйствительно, была только ночная сорочка и нижняя юбка.

Я сейчасъ-же закрыла глаза и притворилась, что страшно устала. Я боялась, что она снова разразится. Но все шло мирно. „Спокойной ночи, Тиміанъ!“ сказала она. Затѣмъ, такъ какъ она немного набожна, она стала на колѣни у постели и стала молиться съ замѣчательно искреннимъ выраженіемъ.

Breit aus die Flügel beide, o Jesu, meine Freude
 Und nimm dein Kücklein ein.
 Will Satan es verschlingen,
 So lass die Englein singen:
Dies Kind unverletzbar sein . . . .*)

*

Да, то была сумасшедшая ночь. Она такъ ярко стоитъ у меня въ памяти, какъ будто все это происходило вчера. А вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже четыре года.

Въ маѣ мать вернулась изъ Давоса. Сестра милосердія привезла ее домой и осталась при ней. Она была очень больна и переходила только съ кровати на chaise longue и обратно на кровать. Въ домѣ вдругъ стало тихо, какъ въ церкви. Иногда она усаживала меня около себя на скамеечку и гладила меня по волосамъ своей маленькой, узкой, худой рукой, говоря: „Моя милая крошка Тими! Моя бѣдная маленькая дѣвочка, что съ тобой будетъ. Если бы мнѣ было суждено хоть немного вырастить тебя“. Я не знала, что ей отвѣчать. Мнѣ было очень тяжело и грустно.

---

*) Раскрой свои крылья, о Иисусъ, моя радость,
 И пришли своего птенца.
 Если сатана захочетъ его поглотить,
 То пусть запоютъ твои ангелочки:
Этотъ ребенокъ неприкосновененъ.

Однажды ночью меня разбудили. Когда я открыла глаза, у моей постели стояла сестра милосердія.

„Одѣвайся, маленькая Тиміанъ, и иди со мной“, сказала она. „Твоя милая мама собирается на небо и хочетъ съ тобой проститься“. Я начала громко плакать, но сестра сказала мнѣ, что я не должна плакать, такъ какъ иначе матери будетъ еще тяжелѣе со мной прощаться; она говорила, что для нея великая милость и радость то, что послѣ долгихъ мученій она идетъ въ рай. Тогда я удержала свои рыданья, потому что ужасно уважала сестру.

Въ матушкиной спальнѣ я застала тетю Фриду и пастора. На столѣ, рядомъ съ постелью, горѣли восковыя свѣчи, такъ какъ матушка ночью причащалась. Отецъ былъ въ сосѣдней комнатѣ. Мать еле видно было въ постели, такое у нея было блѣдное и маленькое лицо. Мнѣ было очень страшно. Она такъ ужасно хрипѣла.

Когда она увидѣла меня, она очень заволновалась. Она схватила меня обѣими руками, и мнѣ пришлось наклониться надъ ней и поцѣловать ее въ обѣ щеки; она держала мое лицо своими влажными, холодными руками и все вздыхала и говорила что-то, но я никакъ не могла понять, что именно. Кажется она говорила, что ужасно хотѣла бы взять меня съ собой. Потомъ она снова поцѣловала меня, вскрикнула и такъ мучительно захрипѣла, что мнѣ стало просто страшно! Пасторъ сказалъ: „Мы вѣримъ вашего ребенка нашей опорѣ, Іисусу Христу, милая госпожа Готтебаллъ. Помолимся“. Но мать не слушала, она неудержимо рыдала; я также. Тутъ я услышала, какъ сестра тихо сказала пастору: „Ребенка надо увести. Это только мука для бѣдной женщины. Она иначе не успокоится“.—Потомъ мать снова поцѣловала меня. Послѣ этого у нея былъ новый припадокъ, и сестра Анна взяла меня за руку и увела. Я долго не могла заснуть, но, наконецъ, все же уснула. На слѣдующее утро сестра снова пришла ко мнѣ и сказала, что Господь взялъ ночью матушку къ себѣ.

Это было во вторникъ, а въ воскресенье мать похоронили. Какіе это были ужасные дни! Мать положили въ нашей лучшей

комнатъ. Мнѣ было страшно видѣть, какъ она лежала застывшая и холодная, какъ ледъ, и все-же меня постоянно влекло къ ней. Въ воскресенье была прекрасная погода. Послѣ обѣда я стояла у дверей дома, когда подошли Фите Раашъ и Лида Петерсъ и спросили, не хочу-ли я сыграть съ ними въ бабки только одну партію. Я согласилась. Мы пошли подъ липы, которыя растутъ какъ разъ противъ нашего дома, и я въ одинъ мигъ выиграла у Фите Раашъ двадцать бабокъ. Я хотѣла взять ихъ, но онъ вырвалъ у меня двѣ штуки и убѣждалъ. Я за нимъ, Лида тоже. И вдругъ, сама не знаю, какъ это случилось, мы стали играть въ коршуна, и громко кричали и смѣялись. Я сразу забыла всю свою грусть и не вспомнила бы о ней, если бы внезапно не появилась тетя Фрида. У нея настоящій талантъ являться, какъ *deus ex machina*, какъ разъ тогда, когда ее меньше всего нужно.

„Тиміанъ!“ воскликнула она съ негодованіемъ. „Неужели ты такъ безсердечна, что даже сегодня, въ день похоронъ своей матери, не можешь вести себя спокойно?“

Тогда я начала горько плакать и поняла, что я дѣйствительно вела себя очень дурно. Тетя Фрида погладила меня по щекамъ и вздохнула.

„Бѣдная шалунья! сказала она. Ты и не подозрѣваешь, глупенькая, чего ты сегодня лишаешься“. И свѣтлыя слезы полились у нея изъ глазъ.

Въ четыре часа мы отнесли мать на кладбище. Въ своей рѣчи пасторъ обратился и ко мнѣ и убѣждалъ меня всегда оставаться хорошей и не забывать, что послѣдней мыслью матери была молитва за меня. Но я мало слушала. У меня вдругъ потемнѣло передъ глазами, и больше я ничего не помню. Знаю только, что я пришла въ себя уже въ каретѣ. Это былъ обморокъ...

Первое время послѣ похоронъ матери было очень грустно. Домъ казался мнѣ такимъ ужасно большимъ, казалось, въ немъ была какая то пустота, но это было совсѣмъ иначе, чѣмъ когда мать была въ Давосѣ. Я часто ходила тайкомъ на кладбище и садилась на могилу матери. На бѣлыхъ скрутившихся въ трубки

лентахъ на вѣнкахъ было написано: „до свиданія“. Пасторъ вѣдь постоянно говоритъ, что на небѣ всѣ непременно встрѣтятся. Но я тогда вовсе не могла себѣ представить, что можно снова увидѣть человѣка, который лежалъ глубоко зарытый въ этой черной, липкой землѣ. Мнѣ вспоминались такія вещи, о которыхъ я вовсе не думала до смерти матери. Какъ часто она брала меня на руки; какъ она меня любила! Я стала тосковать по ея поцѣлуямъ. Я вдругъ почувствовала себя такой одинокой, такой покинутой...

Вечеромъ на кладбищѣ было очень славно. Цвѣли липы, благоухали нарцисы. Когда я закрывала глаза, мнѣ казалось, что ко мнѣ прилетаетъ мать въ бѣломъ платьѣ и цѣлуетъ меня. Иногда я такъ ясно видѣла ее, что протягивала руки, чтобы ее удержать.

Однажды отецъ пришелъ за мной на кладбищѣ въ 10 часовъ вечера. Мнѣ показалось, что онъ былъ очень пораженъ.

„Тими, ангелочекъ мой, я вовсе и не подозревалъ, что ты бродишь по кладбищу и тоскуешь“, сказалъ онъ. „Тетя Фрида сказала мнѣ это сегодня. Ты не должна этого дѣлать, родная. Тебѣ нужно теперь успокоиться. Вѣдь всѣмъ намъ суждено когда нибудь умереть. Пока-же надо наслаждаться жизнью, которая такъ прекрасна. Осенью я возьму тебя съ собой въ Гамбургъ, поведу въ циркъ Ренца и куплю тебѣ куклу, такую большую, какъ настоящий ребенокъ. Обѣщай-же, что ты больше не пойдешь тайкомъ на кладбищѣ“.

Я обѣщала и въ самомъ дѣлѣ больше не ходила. Потомъ все постепенно вошло въ старую колею... Тетя Фрида поминутно приходила и совала свой носъ во всѣ углы. При этомъ она ругалась, выходила изъ себя и бѣсилась, какъ всегда. Она хотѣла, чтобы отецъ взялъ пожилую даму, чтобы слѣдить за хозяйствомъ. Но отецъ нѣ хотѣлъ. Онъ говорилъ, что продолжительная болѣзнь матери стоила слишкомъ дорого, и что ему надо раньше поправить свои дѣла. И мы, дѣйствительно, прекрасно справлялись съ нашими двумя дѣвушками. Вѣдь кухарка была не молода и уже семь лѣтъ жила у насъ. Горничной у насъ тогда служила Лена Ганнеманъ, дочь рыбака Ганнемана, жившаго въ Видеманскомъ переулкѣ. Ленѣ